

DOI: 10.31857/S086919080021233-3

НОСИТЕЛЬ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ В РУССКОЙ И АРАБСКОЙ ГРАММАТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЯХ: МОДЕЛЬ СЛОВА В АЛГОРИТМЕ РУССКО-АРАБСКОГО ПЕРЕВОДА

© 2022

Р.А. АЛЬ-ФОАДИ ^а, В.Н. ЗАРЫТОВСКАЯ ^б

^а – Багдадский университет, Багдад, Республика Ирак
ORCID: 0000-0001-8699-9596; raheem.ali@cis.uobaghdad.edu.iq

^б – Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-9910-7913; widaad@yandex.ru

Резюме: *Статья посвящена вопросам русско-арабского перевода, частная теория которого не разработана в отечественном переводоведении в той степени, в которой описаны механизмы перевода с и на европейские языки. В связи с этим, а также с растущими объемами русско-арабского перевода, вопросы частной теории перевода этой пары языков требуют существенных дополнений и новых подходов. Авторы поставили перед собой задачу определить средства перевода (когнитивные и ментальные операции и языковые преобразования), которые способствуют достижению наиболее эквивалентных соответствий таких разных типологически языков, как русский и арабский. В работе суммируется и анализируется накопленный опыт современных российских лингвистов, отечественных арабистов (В.М. Белкин, Г.М. Габучан, Б.М. Гранде, Н.Д. Финкельберг, Д.В. Фролов и др.) и представителей арабской классической лингвистической школы (Ибн Джинни, Сибавейхи и др.) в определении носителя словообразовательного значения. Цель исследования обозначается как установление и описание роли этой категории в достижении эквивалентности в паре русский и арабский. В качестве материала была рассмотрена лексико-семантическая группа инструментов и орудий труда. Данные лексемы как в русском, так и в арабском, обладают приемлемой частотностью, охватывают различные стилистические регистры и образуются относительно ограниченным набором формантов, межъязыковые соответствия которых можно установить и сопоставить. Впервые на материале этой лексико-семантической группы выявляется системная межъязыковая корреляция рядов словообразовательных формантов в русском и арабском языках. Авторы делают выводы о категории словообразовательной модели как ключевой в алгоритме переводческой деятельности, а также о специфических лингвистических признаках эквивалентности арабско-русского перевода (полная передача вещественного значения мотивирующей базы, совпадение ритмики производного арабского слова с условной моделью, соответствие производного заключенным в модели грамматическим категориям).*

Ключевые слова: русско-арабские соответствия, арабская лингвистическая школа, словообразовательная модель, переводческая эквивалентность, лексико-семантическая группа инструментов и орудий труда

Для цитирования: Аль-Фоади Р.А., Зарытовская В.Н. Носитель словообразовательного значения в русской и арабской грамматических традициях: модель слова в алгоритме русско-арабского перевода. *Восток (Oriens)*. 2022. № 6. С. 232–242. DOI: 10.31857/S086919080021233-3

THE CARRIER OF WORD-FORMATION MEANING IN RUSSIAN AND ARABIC GRAMMATICAL TRADITIONS: THE WORD MODEL IN THE RUSSIAN-ARABIC TRANSLATION ALGORITHM

© 2022

Raheem A. Al-FOADI ^a, Victoria N. ZARYTOVSKAYA ^b^a – University of Baghdad, Baghdad, Iraq
raheem.ali@cis.uobaghdad.edu.iq^b – Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
widaad@yandex.ru

Abstract: *The article is dedicated to Russian-Arabic translation, a particular theory of which has not been developed in domestic translation studies to the extent that the mechanisms of translation from and into European languages are described instead. In this regard, as well as with the growing volumes of Russian-Arabic translation, the issues of this special theory of translation require significant additions. The authors set the task of determining the means of translation (cognitive operations and language transformations) that contribute to the achievement of the equivalent correspondences of such typologically different languages as Russian and Arabic. The work summarizes the accumulated experience of Russian linguists, Arabists (V.M. Belkin, G.M. Gabuchan, B.M. Grande, N.D. Finkelberg, D.V. Frolov, etc.) and scholars of the Arabic classical linguistic school (Ibn Jinni, Sibawayh, etc.) in determining the carrier of word-formation meaning. The purpose of the study is designated as the description of the role of this category in achieving equivalence in the pair of Russian and Arabic. For the first time, based on the material of this lexico-semantic group of tools and instruments, a systemic interlingual correlation of word-building formants in Russian and Arabic is presented. The authors draw conclusions about the category of word-formation model as a key one in the algorithm of translation, as well as about the specific linguistic signs of the equivalence of Arabic-Russian translation (coincidence of the rhythm of derived Arabic word with a model, correspondence of the derivative to the grammatical categories contained in the model, etc.).*

Keywords: Russian-Arabic correspondences, Arabic linguistic school, word-formation model, translation equivalence, lexical-semantic group of tools.

For citation: Al-Foadi A.R., Zarytovskaya V.N. The Carrier of Word-Formation Meaning in Russian and Arabic Grammatical Traditions: The Word Model in the Russian-Arabic Translation Algorithm. *Vostok (Oriens)*.2022. No. 6. Pp. 232–242. DOI: 10.31857/S086919080021233-3

ВВЕДЕНИЕ

Русско-арабский частный перевод – отрасль научного знания относительно новая. Масштабный перевод с русского на арабский и наоборот развернулся во второй половине прошлого века, и отечественная школа арабистики только в советский период начала ставить фундаментальные теоретические вопросы русско-арабского перевода, инициировав глубокое сравнительное изучение обоих языков для решения возникших прикладных задач [Габучан, 1972; Гранде, 2001; Фролов, 1977; Шитов, 1985; Юшманов, 2004]. Как указывают специалисты, далеко не все аспекты и механизмы русско-арабского перевода на сегодня исследованы [Финкельберг, 2004, с. 27]. Более того их изучение затрудняется отличными подходами к пониманию ряда грамматических, в особенности

морфологических, вопросов в европейской и арабской традициях. В арабском языкознании до сих пор главенствуют теории, разработанные средневековыми учеными (Ибн Джинни, Сибавейхи, аль-Фарахиди, аль-Кисаи, аль-Руази и др.) в «золотой век» арабской науки и культуры, который, как известно, пришелся на VIII–X вв. Соответственно для сопоставительного анализа русского и арабского материала мы располагаем не одним инструментарием, а частично несовпадающими наборами лингвистических терминов и категорий. Например, в арабском всего три части речи, нет инфинитива, в особую категорию – масдар – выделено отглагольное существительное и пр. Если говорить об особенностях стилистики, то расхождения в ней также велики. Так, в арабской традиции считающаяся в русском языке речевой ошибкой тавтология – принятый стилистический прием усиления. Гораздо сложнее вопрос о разрывах в картинах мира, когда, например, *холод, ночь и черный цвет* воспринимаются арабами в позитивном ключе [Аль-Рахби, 2009; Кухарева, 2019, с. 97–103; Шагаль, 2001]. Все это требует дополнения теории русско-арабского перевода, а значит – пристального рассмотрения традиционной арабской грамматики и риторики сквозь призму европейских лингвистических понятий, поиска новых подходов в сравнении структур и узуса обоих языков, а также, безусловно, расширения поля исследования с включением в него новых объектов, особенно современной лексики, актуальной для практикующих сегодня переводчиков.

Как указывал Г.П. Мельников, рассматривающий язык в качестве системного явления, «функции и свойства объекта, будучи заданными надсистемой, в свою очередь, сами задают состав элементов объекта, которые должны обладать определенными свойствами, характеризующими их предрасположенность к вступлению в определенные связи, то есть к выполнению определенных функций; с другой стороны, то или иное изменение состава элементов объекта или его свойств, ведущее к тому или иному изменению связей между ними, влияет на изменение функций и свойств объекта как целого» [Мельников, 1978, с. 368]. Перевод, таким образом, является многоступенчатым набором аналитических и синтетических мыслительных операций, совершаемых с элементами, которые находятся в системных отношениях друг с другом и другими единицами языка. Причем это касается «прохождения» переводчиком всех ступеней – от понимания исходного текста до порождения его эквивалента на другом языке через анализ материала оригинала, начиная с морфологического состава лексем, до синтеза морфем языка перевода в слова, словосочетания, а последних – в предложения-высказывания. Следовательно, одними из ключевых вопросов теории перевода, которые в первую очередь подлежат исследованию, нам представляются специфика словообразования и возможность соотнесения моделей образования слов задействованных в переводе языков.

Очевидно, что центральным понятием словотворчества и ядром механизма производства слов выступает словообразовательная модель, по которой слова группируются на основе определенных формантов-показателей. При этом такая системная группировка языковых единиц, подчиняющаяся особым правилам создания производных слов, маркированных морфологически, имеет свои особенности в каждом из языков. Если говорить о месте и роли моделей словообразования в процессе перевода вообще и тем более между такими неродственными и типологически разными языками, как русский и арабский, то словообразовательные модели и форманты служат не просто формальными кодами переводческой адекватности (правильно/неправильно образованное слово), но также ключами к достижению переводческой эквивалентности (хорошо/плохо подобранное слово). Знание словообразовательных принципов, по которым формируется каждая модель и создается новая лексика в обоих языках, задействованных в переводе, является своего рода когнитивным инструментом переводящего. Именно установлением соотношения

словообразовательных показателей языковых единиц в деривационных моделях обоих языков (полное либо частичное совпадение) и раскрытием их семантических признаков достигается переводческая эквивалентность.

Для анализа мы избрали модели образования лексико-семантической группы инструментов и орудий труда с соответствующими формантами. На выбор повлияли такие факторы, как частотность лексем этой группы, а значит, актуальность их анализа для практики перевода, относительная закрытость и ограниченность группы, которая говорит о ней как о сложившейся структуре, минимальный потенциал лексем к вторичной номинации, мотивации, основанной на метафоре, что создало бы дополнительные сложности межъязыкового сопоставления и заставило бы в большей степени учитывать экстралингвистические аспекты вопроса.

ВОПРОС НОСИТЕЛЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Прежде чем приступить к установлению соотношения русских и арабских словообразовательных моделей, необходимо рассмотреть сами понятия модели и форманта в обоих языках, что позволит, в свою очередь, уточнить словообразовательные средства, по которым те или иные лексические единицы образуются.

Как известно, в русской лингвистической традиции «под словообразовательной системой понимается совокупность мотивированных (производных) слов, объединенных в словообразовательные типы и гнезда» [Карпов, 2002, с. 5]. Термин «словообразовательная модель» ввел в научный обиход академик В.В. Виноградов, обозначив ее как структурно-семантическую схему построения производных слов, отличающихся конкретным формантом, частеречной принадлежностью и собственным словообразовательным значением [Виноградов, 1961, с. 227]. Распределение производных слов по определенным моделям подчиняется четким правилам морфологии, продиктованным общими постулатами установления моделей слов. «Это схема построения слов определенной части речи, абстрагированная от конкретных лексических единиц, характеризующаяся а) общностью части речи непосредственно мотивирующих слов и б) формантом тождественным в материальном и семантическом отношении (морфема или другие словообразовательные средства)» [*Русская грамматика*, 1980, с. 135; Земская, 1973, с. 182]. Основываясь на данном определении, можно утверждать, что группа производных слов обладает: 1) частеречной общностью – слова принадлежат одной и той же части речи; 2) одним и тем же способом словообразования – слова данной группы образуются одним и тем же деривационным средством; 3) общностью словообразовательного значения, по которому группируются все дериваты с данным значением. Именно этим критериям должны подчиняться производные слова русского языка, чтобы стать частью определенной словообразовательной модели.

Показательно, что не являются исключением и просторечные слова. Они также группируются по моделям и отвечают действующим правилам русского словообразования, что свидетельствует о наличии четкой системы образования слов, которая охватывает большую часть лексических пластов языка. Например, по модели слов с суффиксом *-ач*, означающим обилие того, что упомянуто в первой части слова, создаются относящиеся к просторечью дериваты типа: рус. *Богач* – араб. [rağulun ġannīyūun] رَجُلٌ غَنِيٌّ; рус. *Бородач* «человек с большой бородой» араб. [multaħin] مُلْتَحٍ; рус. *Носач* «человек или животное с большим носом» – араб. [kabīrul anfi] كَبِيرُ الْأَنْفِ и др. Все они принадлежат одной и той же части речи и образуются с помощью одного и того же морфологического средства – суффикса *-ач*.

Вместе с тем возникает вопрос: как выделить носитель словообразовательного значения, чтобы представить его структурный эквивалент в других языках, например в арабском? И.С. Улуханов в качестве форманта выделяет аффикс. При определении модели лингвист описывает формант следующим образом: «К одному и тому же словообразовательному типу принадлежат членимые на морфемы слова, содержащие семантически тождественный аффикс. Словообразовательный тип, служащий образцом для производства новых слов, является моделью» [Улуханов, 1966, с. 129; Улуханов, 1977, с. 256]. Т. е. формантом представляется формальный аффикс, выделяемый и повторяемый во всех производных словах одной модели.

Сторонники мнения о том, что аффикс выступает носителем словообразовательного значения, апеллируют к тому, что с его помощью выражается отличное от других морфем производного слова значение. Это, в свою очередь, объясняется тем, что в основе аффикса лежит самостоятельное слово, которое исторически в этот аффикс превратилось. При этом отрицается какая-либо роль корневой морфемы в выражении деривационного значения.

Однако это утверждение представляется нам парадоксальным, если принимать во внимание, что деривационного значения не существует без корневой морфемы. Сам аффикс не обладает грамматической самостоятельностью, т. к. он не спрягается и не склоняется подобно синтаксической единице и не функционирует отдельно от корневой морфемы. Поэтому мы поддерживаем тех исследователей, которые полагают, что словообразовательное значение, как и лексическое, выражается производным словом целиком и что словообразовательное значение, наряду с лексическим, выражается всем строением производного слова [Оголбцева, 1976, с. 334]. Звуковая ткань производного слова в русском языке должна быть гармонично организована (в рамках фонетического единства слова), чтобы слово плавно произносилось при присоединении аффикса. Нельзя же ставить ударение на /o/, когда аффикс *-ец* присоединяется к корневой морфеме *лов-* в слове *ловѐц*. Как видим, аффикс отнимает часть гласной силы у корневой морфемы, к которой он присоединился. Кроме того, раздача гласной силы по слогам усиливается или укорачивается в зависимости от других слогов, что подтверждает фонетическое единство корневой морфемы и аффикса. Все слог производного слова в какой-то степени подвергаются относительным звуковым количественным изменениям, например *ловѐц*, *белѐц*, *мертвѐц* и увидел *ловца́*, *бельца́*, *мертвецá*. Дериваты представляют собой целостность, в образовании которой участвовали как корневая морфема, так и аффикс, поскольку приобретенные род, число и падеж, не придались именно аффиксу, который не может склоняться в отдельности от фонетически единого слова. Таким образом, аффикс оказывается не способным нести в себе все деривационные значения, и поэтому единственным носителем словообразовательного значения в русском языке мы назовем *целое производное слово*.

СПЕЦИФИКА АРАБСКОЙ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ

В арабском языкознании словообразовательная модель издавна служит критерием, которым оперируют арабские ученые с целью установления цепочек преобразований в гнездах арабских слов. При этом арабская словообразовательная модель считается инструментом анализа языка, который классические лингвисты называли [alūaznu] الوزن [Rajhi, 1973, p. 10]. Данное понятие связывается с глаголом [ūazana] وزن – рус. *Взвешивать*, что намечает несколько иной подход к пониманию морфологии слова в арабском языке. Арабы на слух, образно говоря, «взвешивают» слова на предмет совпадения с той или иной звуковой моделью, выражающей определенное словообразовательное значение. Средневековый

ученый-грамматист Сибавейхи (представитель басрийской языковедческой школы, годы жизни – 760–797) называет ее «параметром, по которому арабы создают существительные и глаголы» [Sebwayh, 1982, p. 242]. Первым, кто поднял вопрос о трёхсогласной природе звуковой модели [f-'-l] = [ف-ع-ل] арабского языка был автор наибольшего количества трудов по классической арабской филологии Ибн Джинни (941–1002), пришедший к выводу, что трехсогласная модель правильнее других и, к тому же, она компактнее [Ibn Jinni, 1954, p. 31–32]. Теория «трехбуквенного веса» арабского языка основывается на том, что большая часть арабского словаря состоит из слов с корнями из трех согласных, поэтому морфологи определили образование слов от трехбуквенной комбинации и всецело признали словообразовательную модель, основанную на трех согласных [Hamlawi, 1894, p. 53].

Функция категории *веса* заключается в том, что она позволяет каждую лексему отнести к той или иной модели, характерной для арабского языка. Согласные и гласные звуки дериватов полностью рифмуются по долготе/краткости с согласными и гласными компонентами фонетической модели, по которой на слух познается словообразовательное значение. Например, для образования модели глагола пр.вр. используется звуковая ритмичная модель из трех кратких открытых слогов на -а с закрепленным ударением на первом слоге [fa'ala] – [ūazana] وَزَنَ – *взвесил*; [karama] كَرَمَ – *вознаградил*; [gafa'a] رَفَعَ – *поднял* и т.д. Также по единому правилу, т. е. по определенной фонетической модели, образуется глагол пр. вр. Страд. Залого: долгота каждого слога деривата проверяется долготой и краткостью того слога звуковой модели, с которой слог деривата должен рифмоваться. Так, по модели [fu'ila] – образуются слова типа [huūiila] حُوِلَ – *был трансформирован*; [kuṭṭifa] كُتِفَ – *был конденсирован*; [futiḥa] فُتِحَ – *был открыт*.

Таким образом, словообразовательная модель в арабском языке может быть обозначена как структурный звуковой ритм построения производных слов, которые должны характеризоваться:

- 1) общим звуковым ритмом, когда все слоги производного слова рифмуются по долготе и краткости со слогами фонетической модели – звуковой словообразовательной формулы;
- 2) частеречной общностью, т. е. все производные слова одной модели должны принадлежать одной и той же части речи;
- 3) общим словообразовательным значением, выраженным флективной категоризацией всех звуков производного слова.

Для более четкой формулировки специфики арабской словообразовательной модели необходимо разобрать такую ее характеристику как общий звуковой ритм, который определяется звуковым количеством элементов-звуков модели [Магомедов, Алиханов, 2008; Оцомиева-Тагирова, 2016]. Например, для выражения названия орудия действия наиболее употребительная модель – [mif'āl] مِفْعَال (наряду с [mif'al] مَفْعَل): [mirfā'] مِرْفَاع – рус. *Кран*; [mikāl] مِكَال – рус. *Бушель*; [miqrād] مِقْرَاض – рус. *Кусачки*; [midīā'] مِذْيَاع – рус. *Радио* и т. д. В данной модели звуковое количество гласных уже определено и согласные «оживляются» этой гласной силой, поскольку нельзя произносить согласный без гласной, дающей ему способность произноситься. Это объясняется тем, что, как образно выразился Ф.И. Буслаев, «гласные текучи, а согласные тверды. Согласные можно назвать костью и плотью языка, гласные же тем, что орошает и живит твердые части кровью и дыханием» [Буслаев, 1992, с. 199]. К тому же «в действительности согласный и гласный взаимно определяют друг друга таким образом, что воспринимаются слухом в неразрывном единстве...» [Гумбольдт, 1984, с. 86].

Гласные звуки каждого деривата, образованного по определенной модели, должны соответствовать по долготе-краткости гласным звукам этой модели. Словообразовательные модели в арабском языке имеют своеобразное формальное выражение по фонетическим

признакам, которое отражается на письме т. н. огласовками – надстрочными/подстрочными знаками, обозначающими краткие гласные звуки. В качестве образцовой производной модели выступает звуковая материя или формулировка, по которой дериваты создаются, при этом модельная звуковая материя представляется целостной звуковой тканью, с каждым слогом которой должен рифмоваться соответствующий слог деривата словообразовательной модели.

Несмотря на то, что дериваты определенной модели могут мотивироваться словами различных частей речи, производные слова этой модели должны принадлежать одной части речи. Созвучная с моделью звуковая материя производных слов не только выражает словообразовательное значение данной модели, но и указывает часть речи для нее. Маркер частеречной принадлежности проявляется в процессе словообразовательной мотивации, поскольку производные слова приобретают свою новую частеречную принадлежность по звуковой формулировке модели. Так, на основе флективной категоризации звуковой материи возможно рассмотреть процесс приобретения частеречной принадлежности имён существительных на примере названия орудия действия по модели [miʃˤāl]: араб. [naʒara] نَظَرَ – рус. *Смотреть* → араб. [minzār] مُنْظَرٌ – оптическое орудие для наблюдения (может иметься в виду как *телескоп*, так и для очень мелких вещей *микроскоп* – рус. *Телескоп*, *микроскоп*). Если сравнивать частеречную принадлежность арабской производящей базы [naʒara] نَظَرَ с основой производного слова [minzfār] مُنْظَرٌ, становится очевидно, что последняя оформилась по звуковой материи, созвучной с моделью [miʃˤāl]. Производное слово в данном случае приобретает следующие морфологические маркеры: имя существительное м. р. Ед. ч. им. п. с известным по модели словообразовательным значением орудия действия. По тому же правилу флективной категоризации образуется производное слово [miʃˤāfun] مِطْيَافٌ – рус. *Спектроскоп*. Производное слово мотивируется арабским глаголом [taʃafa] طَيَّفَ – рус. *Делать спектрацию*. Слово [miʃˤāfun] مِطْيَافٌ уже приобрело свою частеречную принадлежность в процессе флективной категоризации по модели [miʃˤāl], подчинившись всем звуковым правилам словообразовательной модели названия орудия действия.

Частеречная принадлежность всех дериватов определённой словообразовательной модели обусловлена модельным ритмом и воспринимается на слух. Письменное отображение же данного рода дериватов есть отражение образцовой модели, по которой все слоги производного слова последовательно должны рифмоваться со всеми слогами модели (в арабском письмо фонематическое).

Если сравнивать звуковую структуру производящей основы типа [sabara] سَبَرَ – рус. *Постигать* со звуковой материей образованного от нее производного слова [misbār] مِسْبَارٌ – *космический корабль*, то становится ясно, что звуковая сила каждого согласного звука производящей базы измеряется *огласовкой* (фатха – краткий а) – [sa-ba-ra]. В результате чередования гласных звуков мотивирующей базы гласные деривата соответствуют ритму гласных модели [miʃˤāl]. По гласным звукам модели, употребленной для образования существительного-названия орудия, измеряется гласная сила всех слогов производного слова. Следовательно, изменяется звуковое количество всех слогов деривата, что приводит к полному преобразованию звуковой материи производного слова. Как конечный результат данного изменения появляется новая звуковая материя, рифмующаяся с образцовой моделью до слога.

Нет сомнения, что приведенные рассуждения о том, что словообразовательный формант в русском и арабском языках, как было показано, далеко не механически присоединяется к корневой морфеме, а вызывает преобразование всей материи слова, должно стать основой для достижения эквивалентного перевода.

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ
РУССКО-АРАБСКОГО ПЕРЕВОДА

Познание словообразовательных моделей, задействованных в переводе языков, играет ключевую роль в достижении *переводческой эквивалентности*. Сравнение русских и арабских моделей словообразования, служащих для обозначения орудий и инструментов, дает следующую картину, подсказывающую некий идеальный алгоритм двустороннего перевода подобных единиц с закрепленными за ними формантами: арабской модели на **mi-** (подварианты –*mif al* и *mif al*) с сопровождающей ее внутренней флексией соответствует множество моделей русского языка с суффиксами *-л(о)*, *-ач*, *-ник*, *-к(а)*, *-лк(а)*, *-льник*, *-ок*, *-тель(-итель)*, *-чик* (*щик*) и др.

Знание особенностей каждой конкретной словообразовательной модели имеет значение как на этапе понимания переводчиком лексического вещественного значения мотивирующей базы, так и на этапе подбора соответствующего деривата в языке перевода, а также при финальной сверке эквивалента со звуковой материей стандартной модели (ритмичное с моделью произношение деривата). Поэтому переводчику, чтобы представить точный структурно-семантический эквивалент в тексте перевода, нужно быть в равной степени хорошо знакомым как с деривационными моделями на языке перевода, так и с актуальными деривационными правилами языка перевода. Глубоко понимающим модели образования слов в арабском языке арабистам, для которых арабский язык не является родным, как и носителям языка, раскрывается не только словообразовательное значение дериватов, но и все грамматические маркеры того или иного типа дериватов за ними закрепленные.

С одной стороны, единственность арабского форманта для инструмента суффикса **mi-** в комплексе с внутренней флексией обеспечивает однозначно правильное понимание лексической единицы арабского языка, обозначающей инструмент, и правильный выбор модели слова при переводе на арабский, но не с арабского на русский, так как этой арабской модели соответствует множество русских. При этом в направлении перевода русский→арабский остается задача выбора эквивалентного трехслогового арабского корня, передающего общее значение действия, совершаемого с помощью того или иного инструмента. Для носителя арабского языка это представляет определенную сложность, которой может быть обусловлен ошибочный выбор. В обратном направлении – арабский→русский – задача переводчика по распознаванию того, что подлежащая переводу единица является обозначением инструмента, упрощается, однако переводчик стоит перед выбором из множества русских моделей слова, в которых, безусловно, с большей эффективностью ориентируется носитель русского языка.

С другой стороны, структурная наполненность словообразовательных гнезд, стилистическая окрашенность какого-то слова, обусловленная культурно-историческими факторами, уникальные языковые категории, такие как глагольная порода в арабском или вид русского глагола, участвующие в словообразовании, и др. – всё это «уводит» переводчика от однозначного выбора деривата и создает трудности перевода, которые возможно преодолеть не столько знанием эквивалентности моделей слов, сколько пониманием потенциала словообразовательного гнезда того или иного корня, знакомством с корректностью конкретного словоупотребления, речевыми штампами, исключениями и др. Очевидно, что в более сложно организованных лексико-семантических группах, чем «орудия и инструменты», значение перечисленных факторов возрастает. В зависимости от направления перевода и того, носителем какого языка – оригинала или перевода – является переводчик, меняется степень владения словообразовательными моделями и понимание их соответствия либо несоответствия друг другу. Следовательно, трудности перевода на различных этапах в его алгоритме могут варьироваться.

Среди признаков, указывающих на эквивалентность перевода, в первую очередь мы выделим *полную передачу вещественного значения мотивирующей базы, которое свя-*

зывается с корнем. При этом в русско-арабском переводе мы имеем дело со спецификой арабского корня, которая заключается в прозрачном мотивационном отношении производящей и производной основ посредством трёх корневых согласных звуков. Эта особенность арабского языка дает переводчикам-арабистам возможность ясно видеть вещественное лексическое значение корневых согласных элементов корня, повторяемых в мотивирующем и мотивированном словах [Amid, Laporte, 2003; Белкин, 1975]. Так, в начальной своей форме арабский глагол [ʔaqaba] تَقَبَّ – рус. *проколоть, пробивать* есть мотивирующая база для → араб. [miʔhqābun] مِقْقَابٌ, рус. *дрель*; араб. [ʔaqata] لَقَطَ – рус. *выщипывать* образует производящую основу для → араб. [milqātun] مِلْقَاطٌ – рус. *щипцы*; араб. [zamara] زَمَرَ – рус. *дуть в дудку* мотивирует араб. [mizmārun] مِزْمَارٌ – рус. *дудка, флейта*. Очевидно, что такое последовательное смысловое соотношение глаголов и мотивированных ими слов в современном русском языке, как видно из примеров выше, встречается на порядок реже.

Вторым признаком эквивалентности русско-арабского перевода следует принять *построение арабского деривата согласно звуковой матрице частотной словообразовательной модели* (для инструментов и орудий она практически одна – [mif^{al}] в вариации с долгим вторым гласным или коротким): ср. [mišraʔun] مِشْرَاطٌ – рус. *скальпель*; [midfaʔun] مِدْفَعٌ – рус. *пушка* и др.

Третьим признаком эквивалентности русско-арабского перевода является *соблюдение заключенных в арабской модели грамматических значений*. Модель в арабском, поскольку по ее звуковому строению уточняется структура производного слова, конкретизирует и управляет процессом флективной категоризации. Так, модель [mif^{al}] – مِفْعَالٌ обуславливает словообразовательное значение названия орудия м.р. им.п.. По данной модели создаются производные слова типа: [mibradun] مِبْرَادٌ – рус. *точило*, [miŋgalun] مِئْجَلٌ – рус. *сепя*, [miqrād] مِقْرَاضٌ – рус. *кусачки* и др. Не подлежит сомнению, что все производные арабские слова, образованные по модели [mif^{al}] – مِفْعَالٌ, имеют одно и то же грамматическое значение, в отличие от указанных русских примеров, где нет правила присвоения существительному, обозначающему орудие труда, того или иного грамматического рода, числа и типа склонения.

ВЫВОДЫ

Приступая к анализу оригинала, переводчик совершает прежде всего операции морфологического разбора слова, восстанавливая словообразовательную цепочку, а также, на завершающем этапе, зачастую сам конструирует его эквивалент из морфем на языке перевода и сверяет его с «готовым решением», например, которое дает словарь либо которое было ему известно из личного опыта и знаний о потенциале того или иного корня, функциях известных ему формантов и структурных связях в языке. На этом основании в качестве ключевой категории алгоритма переводческой деятельности мы назвали словообразовательную модель.

Для более глубокого понимания изменений во внутренней и внешней формах слова при словообразовании мы сопоставили две грамматические концепции – современную российскую и классическую арабскую, уходящую корнями в Средневековье, и убедились, что словообразование – это сложное системное явление, которое характеризуется сдвигами не только в значении, но и во всей материи слова, а единственным носителем словообразовательного значения является целое производное слово, звуковая ткань целиком.

Словообразовательная модель в арабском языке, рассмотренная сквозь призму отечественного языкознания, может быть определена как структурный звуковой ритм построения производных слов, которые должны характеризоваться общим звуковым ритмом, частеречной общностью и общим словообразовательным значением. Поэтому помимо общих положений эквивалентного перевода обращает на себя внимание ряд специфических признаков эквивалентности перевода в паре языков русский-арабский, таких как полная

передача вещественного значения мотивирующей базы, совпадение ритмики арабского деривата с условной моделью, соответствие производного заключенным в соответствующей модели грамматическим категориям и др.

Сопоставление русских и арабских словообразовательных моделей для группы инструментов и орудий труда прояснило, какие трудности в их переводе возникают на каждом из этапов работы, при том или обратном направлении перевода, для переводчика-носителя определенного языка и на что необходимо обратить внимание для достижения эквивалентного результата в ситуациях различной сложности.

Несомненно, собранный материал и анализ частотных моделей словообразования на предмет эквивалентности в переводческой деятельности в паре языков со специфическими грамматическими категориями русский-арабский представляет не только практическую ценность для переводчиков, но и теоретический интерес для лингвистов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Аль-Рахби А.М. Механизмы отражения лингвокультурологической ситуации в процессе перевода. *Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания*. Научно-практическая конференция молодых ученых 15 апреля 2009 г. М.: Флинта, Наука, 2009. С. 46–50 [Al-Rahbi A.M. Mechanisms for Reflecting the Linguoculturological Situation in the Translation Process. *Actual Problems and Teaching Methods of the Russian Language*. Practical Academic Conference of Young Scholars. Moscow: Flinta, Nauka, 2009. Pp. 46–50 (in Russian)].

Белкин В.М. *Арабская лексикология*. М.: Изд-во МГУ, 1975 [Belkin V.M. *Arabic Lexicology*. Moscow: Izd-vo MGU, 1975 (in Russian)].

Буслав Ф.И. *Преподавание отечественного языка*. М.: Просвещение, 1992 [Buslaev F.I. *Teaching the Native Language*. Moscow: Prosveshchenie, 1992 (in Russian)].

Виноградов В.В. Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка. *Известия АН СССР*. 1961. Т. 10. Вып. 3 [Vinogradov V.V. The Basic Vocabulary and its Word-Forming Role in the History of the Language. *Izvestiya AN SSSR (= Bulletin of the USSR Academy of Sciences)*. 1961. Vol. 10. Issue 3 (in Russian)].

Габучан Г.М. *Теория артикля и проблемы арабского синтаксиса*. М.: Наука, 1972 [Gabuchan G.M. *Article Theory and Problems of Arabic Syntax*. Moscow: Nauka, 1972 (in Russian)].

Гранде Б.М. *Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении*. М.: Восточная литература, 2001 [Grande B.M. *Comparative Historical Coverage of the Arabic Grammar Course*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2001 (in Russian)].

Гумбольдт В. *Избранные труды по языкознанию*. М.: Прогресс, 1984 [von Humboldt W. *Selected Works on Linguistics*. Moscow: Progress, 1984 (in Russian)].

Земская Е.А. *Современный русский язык. Словообразование*. М.: Просвещение, 1973 [Zemskaya E.A. *Modern Russian Language. Word Formation*. Moscow: Prosveshchenie, 1973 (in Russian)].

Карпов А.К. *Современный русский язык. Словообразование. Морфология*. М.: Владос, 2002 [Karpov A.K. *Modern Russian Language. Word Formation. Morphology*. Moscow: Vlados, 2002 (in Russian)].

Кухарева Е.В. Символика цвета в этнической картине мира арабов. *Филологические науки в МГИМО*. 2019. № 1. С. 97–107 [Kukhareva E.V. The Symbolism of Color in the Arabs' Ethnic Picture of the World. *Philological Studies at the MGIMO University*. 2019. No. 1. Pp. 97–107 (in Russian)].

Магомедов М.И., Алиханов С.З. *Словообразование в аварском языке*. Махачкала: Типография ДНЦ РАН, 2008 [Magomedov M.I., Alihanov S.Z. *Word Formation in the Avar Language*. Mahachkala: Daghestan Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 2008 (in Russian)].

Мельников Г.П. *Системология и языковые аспекты кибернетики*. М.: Советское радио, 1978 [Melnikov G.P. *Systemology and Linguistic Aspects of Cybernetics*. Moscow: Sovetskoe radio, 1978 (in Russian)].

Огольцева Е.В. *Образное значение в системе отсубстантивной деривации (структурно-семантический аспект)*. М.: Флинта, 2006 [Ogolbtseva E.V. *Figurative Meaning in the System of Substantial Derivation (Structural and Semantic Aspect)*. Moscow: Flinta, 2006 (in Russian)].

Оцомиева-Тагирова З.М. К вопросу о структурно-словообразовательной характеристике аварских агроонимов. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016. № 11. Ч. 3. С. 141–143 [Otsomieva-Tagirova Z.M. Issues of the Structural and Word-Formation Characteristics of Avar Agroonyms. *Philological Studies. Issues of Theory and Practice*. 2016. 11(3). Pp. 141–143 (in Russian)].

Русская грамматика. Под ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 1. М.: Наука, 1980 [*Russian Grammar*. Ed. N.Y. Shvedova. Vol. 1. Moscow: Nauka, 1980 (in Russian)].

Улуханов И.С. *Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания*. М.: Наука, 1977 [Ulukhanov I.S. *Word-formation semantics in the Russian language and the principles of its description*. Moscow: Nauka, 1977 (in Russian)].

Улуханов И.С. Глаголы на -еть в современном русском языке (О продуктивности и регулярности). *Развитие словообразования современного русского языка*. М.: Наука, 1966. С. 110–126 [Ulukhanov I.S. Verbs Ending with -et' in Modern Russian (On the Productivity and Regularity of the Word-Forming Type). *The Development of Word Formation in the Modern Russian Language*. Moscow: Nauka, 1966. Pp. 110–129 (in Russian)].

Финкельберг Н.Д. *Арабский язык. Курс теории перевода*. М.: Восток-Запад, 2004 [Finkelberg N.D. *Arabic. Translation Theory Course*. Moscow: Vostok-Zapad, 2004 (in Russian)].

Фролов Д.В. Предлоги в арабской грамматической традиции. *Языки зарубежного Востока*. М.: Наука, 1977. С. 177–185 [Frolov D.V. Prepositions in Arabic Grammatical Tradition. *Languages of the Foreign East*. Moscow: Nauka, 1977. Pp. 177–185 (in Russian)].

Шагаль В.Э. *Арабский мир: пути познания*. М.: ИВ РАН, 2001 [Shagal V.E. *The Arab World: Ways of Understanding*. Moscow: IOS RAS, 2001 (in Russian)].

Шитов Б.А. *Связь предложений в письменном монологическом тексте арабского литературного языка (в сопоставлении с русским)*. Дисс. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1985 [Shitov B.A. *The Connection of Sentences in a Written Monologue Text in Literary Arabic (Compared with Russian)*. Dissertation for the PhD (Philology) Degree. Moscow, 1985 (in Russian)].

Юшманов Н.В. *Грамматика литературного арабского языка*. М.: URSS, 2006 [Yushmanov N.V. *Literary Arabic Grammar*. Moscow: URSS, 2006 (in Russian)].

Amid A., Laporte E. Pattern-and-Root Inflectional Morphology: the Arabic Broken Plural. *Language Sciences*. 2013. No. 40. Pp. 221–250.

Hamlawi A.M. *Šdā āl'urf fī fann ālsarf, ālmuǧald ālāūal*. Riyadh: Dār ālkīān, 1894 [Hamlawi A.M. *The Scent of Custom in the Art of Morphology*. Riyadh: Dār ālkīān, 1894 (in Arabic)].

Ibn Jinni A. *Šarḥ kitāb āltašrīf lābi' utmān ālmāznī*. Beirut.: Dār āhīā' ālturātī ālqadīm, 1954 [Ibn Jinni A. *Explanation of the Book of Morphology by Abu Othman Al-Mazni*. Beirut: Dār āhīā' ālturātī ālqadīm, 1954 (in Arabic)].

Rajhi A.I. *Āltatbīq ālsarfī*. Beirut.: Dār ālnahḏh āl'rbīh, 1973 [Rajhi A.I. *The Morphological Investigation*. Beirut: Dār ālnahḏh āl'rbīh, 1973 (in Arabic)].

Sebwayh A. *Ālkitāb*. Cairo: Maktabatu ālhānǧī, 1982 [Sebwayh A. *The Book*. Cairo: Maktabatu alhangī, 1982 (in Arabic)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

АЛЬ-ФОАДИ Рахим Али – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Багдадского Университета, Багдад, Ирак.

Raheem A. AL-FOADI, Doctor of Philology, Full Professor of the Department of Russian Language of University of Baghdad, Baghdad, Iraq.

ЗАРЫТОВСКАЯ Виктория Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, Москва, Россия.

Victoria N. ZARYTOVSKAYA, PhD (Pedagogy), Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences, PFUR, Moscow, Russia.